

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Чем интересны военные режимы.....	5
Об этой книге.....	12
Глава 1. Что такое военный режим	19
1.1. Режимы и страны.....	19
1.2. Власть и влияние	25
1.3. Власть для себя или для других?.....	31
Глава 2. Хронология и география	43
2.1. Военные в политических ролях: истоки.....	43
2.2. Мировые войны и колониальные армии.....	50
2.3. Современные военные режимы: что, где, когда	59
Глава 3. Как предотвращают военные перевороты	73
3.1. Либеральная модель гражданского контроля.....	73
3.2. Гражданский контроль и авторитаризм	82
3.3. «Модель проникновения».....	91
Глава 4. Военный переворот и правящая коалиция военного режима	107
4.1. Военные перевороты в сравнительной перспективе	107
4.2. Технология успешного переворота	114
4.3. Как проваливаются перевороты	127

Глава 5. Цели военных у власти	143
5.1. Зачем военные захватывают власть	143
5.2. Краткосрочные цели	150
5.3. Долгосрочные цели и программы	163
Глава 6. Устройство военных режимов	179
6.1. Проблемы институционализации военных режимов	179
6.2. Формальные институты	192
Глава 7. Имитационные институты	203
7.1. Имитация партийных режимов	203
7.2. Мягкий электоральный авторитаризм	216
7.3. Жесткий электоральный авторитаризм	229
Глава 8. Завершение военных режимов	239
8.1. Режимные трансформации	239
8.2. Причины недолговечности военных режимов	247
Глава 9. Военные режимы и демократия	261
9.1. Разнообразие путей от военного режима к демократии	261
9.2. Сложные процессы демократизации	272
Заключение	283

ВВЕДЕНИЕ

ЧЕМ ИНТЕРЕСНЫ ВОЕННЫЕ РЕЖИМЫ

Количество военных режимов в современном мире растет. О динамике процесса красноречивее всего свидетельствует тот факт, что в 2020–2023 годах в мире произошло столько же успешных военных переворотов, сколько их было за все предыдущее десятилетие. Такой вывод можно сделать из таблицы 1, в которой представлены данные об успешных военных переворотах (то есть событиях, увенчавшихся приходом военных к власти) и попытках переворотов, предпринятых в мире с 2010 года. В таблицу внесены только данные о сменах власти, совершенных при решающем участии вооруженных сил, но не политических партий, массовых движений, повстанческих армий и т. д. Сведения даны по годам, а внутри строк расположены в хронологическом порядке.

Однако в какой-то момент в прошлом казалось, что военные режимы на грани вымирания. Важную роль тогда сыграли глобальные тенденции: некоторые параллельные тренды, развертывавшиеся во внутренней политике больших групп стран, а также явления на уровне системы международных отношений. Центральную роль в, казалось бы, наметившейся тенденции к вымиранию военных режимов сыграла волна демократизации, охватившая в 1980-х годах Латинскую Америку. В 1970-х годах этот регион был главным средоточием военных диктатур — они там существовали почти повсеместно. Однако в 1980-х годах почти все латиноамериканские страны

Таблица 1. Успешные перевороты (*) и попытки переворотов в странах мира (2010–2023)

2010	Нигерия*, Гвинея-Бисау, Мадагаскар
2011	Бангладеш, Нигерия, Конго (Киншаса), Гвинея-Бисау
2012	Папуа — Новая Гвинея, Мали*, Гвинея-Бисау*, Габон, Судан
2013	Эритрея, Бенин, Коморские острова, Чад, Египет*
2014	Лесото, Таиланд*, Гамбия
2015	Бурунди, Буркина-Фасо
2016	Турция, Буркина-Фасо
2017	Зимбабве*
2018	–
2019	Габон, Судан*
2020	Мали*
2021	Мьянма*, Нигер, Мали*, Гвинея*, Судан
2022	Буркина-Фасо*, Гвинея-Бисау, Мали, Сан-Томе и Принсипи, Гамбия
2023	Нигер*, Габон*, Буркина-Фасо, Гвинея-Бисау

перешли к гражданскому и, как правило, демократическому правлению.

Произошло это преимущественно по внутривнутриполитическим причинам, хотя был и сильный внешний фактор: изменение в США отношения к военным режимам, активно влиявшим на латиноамериканскую политику того периода. Примерно до середины 1970-х годов американские власти рассматривали военные диктатуры как полезных союзников в борьбе с мировым коммунизмом в соответствии с приписываемой журналистами Франклину Делано Рузвельту фразой, якобы сказанной о правителе Никарагуа Анастасио Сомосе: «Да, он сукин сын, но он наш сукин сын» (эту фразу, существующую в разных редакциях, также приписывают ряду других американских

государственных деятелей). Известно, что США прямо способствовали установлению военных диктатур в Чили и в некоторых других странах.

В 1977–1981 годах, при администрации Джимми Картера, установки стали другими. Американская поддержка уже существовавших военных режимов ослабла до такой степени, что в некоторых случаях настоятельные рекомендации США перейти к демократии прямо способствовали этому, а новые попытки латиноамериканских военных захватить власть обычно не получали одобрения Вашингтона. В дальнейшем внешняя политика США претерпела немало изменений, но отношение к военным переворотам и режимам оставалось в целом негативным. Это отразилось на политике крупнейшего в Западной полушарии регионального объединения, Организации американских государств (ОАГ), первоначально на неформальном, а затем и на формальном уровне.

В 1991 году ОАГ была введена норма, обязывающая ее руководящие органы принимать меры в случае «внезапного или внеочередного прерывания демократического политического институционального процесса или законного осуществления власти демократически избранным правительством любого из государств — членов ОАГ» (так сформулировано в принятой тогда резолюции Генеральной ассамблеи ОАГ). В 1992 году в устав организации были внесены изменения, введившие жесткие ограничения на участие в работе ОАГ тех стран, где процесс демократизации можно было рассматривать как прерванный. Однако такие ограничения весьма болезненно сказываются на международном статусе и экономической жизни этих стран. Военные перевороты в Латинской Америке еще случались, но их количество резко сократилось.

Еще более ощутимый удар по практике военного вмешательства в политику нанес крах коммунистических режимов в СССР и странах Восточной Европы. Особенно сильным оказался эффект от этих событий во втором крупном регионе, где

были распространены военные режимы, — в Африке. До конца 1980-х годов многие африканские военные диктатуры успешно имитировали советскую систему, создавая как бы правящие (но на деле подконтрольные военным) партии, причем необязательно левого толка. Привлекательной для военных у власти зачастую была не идеология, а сама модель однопартийного государственного устройства. С исчезновением СССР эта модель вышла из моды. Немало военных режимов сохранились, но начали имитировать демократию путем проведения несвободных выборов, так что многие западные наблюдатели и спонсоры перестали рассматривать их как диктатуры. Однако нередко переход африканских стран к демократии оказывался не имитационным, а вполне реальным. Так что число военных режимов в Африке реально сократилось.

Негативное отношение к военным переворотам нашло отражение в серии документов, принятых с начала 1990-х годов объединением стран, называвшимся Организацией африканского единства (ныне Африканский союз). В 1999 году было принято решение об отстранении государств с военными режимами от всех органов и мероприятий организации, а в 2000 году за этим последовала так называемая Декларация Ломе, которая конкретизировала понятие военного переворота и установила, что незаконно удерживающие власть правительства не будут признаваться государствами — членами союза. Надо заметить, что африканская региональная организация значительно слабее американской и ее решения часто исполняются далеко не досконально. Но в 2000-х годах на общее стремление многих правительств континента положить конец военным переворотам наложилась специфическая модель отношений внутри организации, в центре которой находился тогдашний лидер Ливии Муаммар Каддафи.

Репутация Каддафи как возмутителя спокойствия и спонсора терроризма, в итоге стоившая ему жизни, широко известна и отнюдь не лишена оснований. Однако не все его действия

носили деструктивный характер. В 1970–1980-х годах Каддафи оказывал щедрую поддержку вооруженному движению против апартеида в ЮАР. После падения власти белого меньшинства Южная Африка, будучи самой богатой страной континента, естественным образом выдвинулась на роль самой авторитетной участницы регионального объединения. Лидеры ЮАР были по-прежнему благодарны Каддафи и считали его своим другом.

У самого Каддафи появились сильные мотивы к заинтересованности в африканских делах. В 1992 году, после взрыва самолета над шотландским городом Локерби (к нему был причастен Каддафи), ООН ввела широкомасштабные санкции против Ливии. В арабском мире, жившем в середине 1990-х годов ожиданием окончательного разрешения конфликта с Израилем на основе достигнутых в Осло соглашений, радикальная антиизраильская политика Каддафи стала причиной его изоляции. В этих условиях Каддафи нашел в Африке новую площадку для приложения своей неугасимой энергии, а власти ЮАР использовали свой авторитет для того, чтобы поддержать такую переориентацию давнего партнера. В 1998 году страны Африки приняли коллективное решение, которое фактически означало отказ от выполнения санкций ООН против Ливии.

Каддафи начал активно налаживать связи с политиками Черной Африки и способствовал более активной региональной интеграции, которая в 2002 году вылилась в преобразование Организации африканского единства в Африканский союз. В 2009 году, после избрания Каддафи председателем организации, он выдвинул еще более революционную идею о создании Соединенных Штатов Африки. Впрочем, влияние Каддафи на африканские страны основывалось далеко не только на его формальных ролях, декларативных намерениях и личной энергии. Решающее значение имели гигантские нефтегазовые доходы, которые Ливия продолжала получать

вопреки санкциям. В Африке, как и везде, деньги легко конвертируются во влияние. Но тогда встает вопрос: на кого влиять, если не хочешь потерять свои инвестиции? В начале 2000-х годов ответ Каддафи состоял в том, что лучше сотрудничать с законными правительствами. Хотя сам он пришел к власти в Ливии в результате военного переворота, новые перевороты он не поддерживал. Пока Африканский союз де-факто управлялся тандемом Ливии и ЮАР, возможные инициаторы таких предприятий были вынуждены проявлять сдержанность.

Таким образом, в двух регионах — Латинской Америке и Африке — международный климат не благоприятствовал вмешательству военных в политику. Схожую линию проводили и общеевропейские структуры, но в Европе это не имело большого практического значения, поскольку военные перевороты там оставались за рамками реальной повестки дня. В Азии эффективные международные механизмы для предотвращения переворотов были бы актуальны, но так и не сформировались. Однако важнее всего то, что в 2010-х годах начался постепенный демонтаж таких механизмов в Африке. Ключевую роль тут сыграло свержение Каддафи в Ливии в 2011 году, после чего Африканский союз ослаб, а стремившиеся к захвату власти военные почувствовали себя гораздо свободнее. И действительно, за немногими исключениями (хотя и значительными, вроде Мьянмы и Таиланда) представленные в таблице 1 страны — африканские, причем некоторые из них фигурируют там несколько раз. Хотя региональная причина того, что возвращение военных режимов началось с Африки, для нас ясна, прослеживается и более общий фактор, который в будущем может дать о себе знать и в других частях света. Речь идет о смягчении международных правил игры. Впрочем, лучше было бы использовать формулировку Кена Джовитта, который еще в 1990-х предсказал возникновение «нового мирового беспорядка».

В мире происходит много событий, на фоне которых военные перевороты в периферийных странах просто не кажутся заслуживающими внимания. Но такое отношение мне трудно признать оправданным. Распространение военных режимов, если оно будет продолжаться, в дальнейшем сможет серьезно сказаться на политической атмосфере во всем мире.

Говоря о практических причинах интереса к военным режимам, нельзя не отметить, что как раз российскому политическому руководству отнюдь не свойственно пренебрежение тенденцией к росту их числа. Африканские страны, где такие режимы установились за последнее десятилетие, — Буркина-Фасо, Гвинея, Мали, Нигер — вошли в число наиболее близких, привилегированных внешнеполитических партнеров России. Некоторые страны, где военные режимы существуют уже давно, — Алжир, Египет, Конго-Браззавиль, Судан, Экваториальную Гвинею — можно охарактеризовать как старых друзей. Причин у такой дружбы несколько, и это не только экономическое проникновение России в Африку, которое лишь косвенно обусловлено политическими особенностями отдельных стран. Важнее то, что военные режимы этих стран обычно состоят в сложных отношениях с США и бывшими колониальными метрополиями, а зачастую и с соседями, находя в России вполне приемлемую альтернативу с точки зрения военно-политического сотрудничества. Впрочем, это касается не только африканских стран, но и других: например, Мьянмы. На данный момент многие военные режимы являются близкими друзьями российских властей, а таких друзей надо знать не хуже, чем врагов.

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

За моим решением написать эту книгу стоят некоторые личные обстоятельства. С них и начну. Во второй половине 1970-х годов, когда я был подростком и жил в стране под названием СССР, я заинтересовался политикой. Такой интерес у молодых людей того времени был не то чтобы широко распространенным, но и не особенно редким явлением. Обычно это увлечение не свидетельствует о предрасположенности к политике как профессии: те, кого в детстве интересуют пауки, иногда становятся арахнологами, но четырьмя парами конечностей не обзаводятся. А поскольку внутренней политики в стране не было (то есть была, но о ней что-то знали лишь немногие, и обычно не подростки), то я интересовался политикой зарубежных стран. Информация о ней поставлялась в изобилии, было бы желание ее получать. Я читал журналы (от «Нового времени» до академических изданий вроде «Азия и Африка сегодня»), справочники и книги, но главным источником информации, естественно, были СМИ. И я говорю не только о советских печатных СМИ и телевидении, но и о зарубежных радиостанциях, вещавших на СССР. А СМИ тогда постоянно писали и говорили о военных диктатурах и переворотах.

Военные стояли у власти во многих странах мира, и в большинстве случаев эти режимы подвергались в советских СМИ весьма острой критике, да и западные радиоголоса их не очень жаловали, особенно когда речь заходила о Латинской Америке. Что касается военных переворотов, то они — успешные или безуспешные — случались практически ежемесячно, а то и чаще. Для внешнего наблюдателя это были интересные, красочные события. Они привлекали внимание и поддерживали интерес к политике. Потом ее изучение стало моим профессиональным выбором. Однако в 1990-х годах, когда у меня появилась реальная возможность сделать этот выбор, военные режимы надолго перестали меня интересовать. Основными сферами

моих интересов стали политические партии и выборы в условиях демократии, а также соответствующие сегменты российской политики. К сожалению, в XXI веке происходят события, вернувшие интерес к авторитарным режимам, так что мне пришлось вспомнить о старых увлечениях. Ведь военные режимы — это одна из исторически заметных разновидностей авторитаризма.

В этой книге я концентрируюсь не на практической актуальности изучения военных режимов, а на их значении для более общего понимания современной политики. В этом смысле она является продолжением моей предыдущей работы «Политические режимы и трансформации»*. Настоящая книга тоже научно-популярная, но в ней в большей степени, чем в предыдущей, акцент делается на научность, а не на популярность. Книга охватывает широкий круг стран за значительный хронологический период, главным образом с 1945 года по настоящее время. Сравнительный метод применяется в основном при использовании примеров из жизни отдельных стран и их теоретическом осмыслении. Такое применение сравнительного метода один из его классиков в политологии, Аренд Лейпхарт, назвал систематической сравнительной иллюстрацией. Соответствующая исследовательская практика появилась, конечно, задолго до концептуализации Лейпхарта. Непревзойденным по сей день примером остается, на мой взгляд, книга Мориса Дюверже «Политические партии».

Я отдаю дань и более строгому сравнительному анализу, делая лишь несколько уступок популярному жанру. Общетеоретической основой книги служит теория рационального выбора, хотя я стараюсь не обрушивать на читателя жаргон и метафорический ряд, свойственные этому направлению и примыкающим к нему областям философии. Другая важная теоретическая позиция этой книги состоит в том, что в социальных процессах

* Голосов Г. В. Политические режимы и трансформации: Россия в сравнительной перспективе. — М.: Рутения, 2024.

нет детерминизма. Все, чего мы не можем исключить в теории, может произойти. В политике (да и вообще в истории) ни один исход не предрешен и любое развитие задается не столько объективными обстоятельствами (хотя они важны), сколько целенаправленными действиями участников социальной жизни, то есть людей и групп. Поэтому в книге много не только цифр, но и имен и названий.

Вероятность различных исходов, даже если каждый из них теоретически возможен, не одинакова. Насколько вероятно то или иное развитие событий, помогает судить количественный анализ. У него есть свои ограничения. Главное — в том, что этот анализ консервативен. Здравый смысл подсказывает, что нельзя судить о возможном будущем, опираясь исключительно на знания о прошлом. Но именно на них основан статистический анализ данных. Возможно, при использовании больших данных, то есть постоянно обновляющихся в режиме реального времени, можно было бы смягчить эту проблему. Но политика пока не генерирует большие данные по этой тематике, которая действительно важна и интересует большинство ученых, так что незаменимыми остаются массивные информационные ресурсы, аккумулирующие исторические сведения о социальных процессах. Некоторые из таких баз данных я использовал при работе над книгой.

Я не стремлюсь навязать читателю какую бы то ни было политическую программу или систему оценок. Моя задача не столько объяснить, как именно нужно трактовать обсуждаемые явления, сколько предоставить читателю эффективный инструментарий для самостоятельного анализа. Некоторые оценки, все же присутствующие в книге, особенно в заключительной главе, преследуют лишь цель прояснить особенности военных режимов по отношению к другим политическим режимам современности.

При строгом соблюдении научного стандарта мне пришлось бы подкреплять каждый из сообщаемых мною фактов

ссылкой на источник. Так было в моей недавней англоязычной книге (Golosov, Grigorii V. *Authoritarian Party Systems: Party Politics in Autocratic Regimes, 1945–2019*. Singapore: World Scientific, 2022), где список использованной литературы занимает несколько десятков страниц. При издании книги на русском языке такого не выдержал бы ни один издатель, кроме сугубо академических, — хотя бы потому, что это увеличило бы ее объем и цену примерно на треть. Да и читателю пришлось бы нелегко. Поэтому ссылки в тексте отсутствуют. Таким образом, я обрекаю читателя верить или не верить мне на слово. В оправдание могу лишь сказать, что при изложении фактов я не полагался на собственную эрудицию и память, чем часто грешат ученые-теоретики, иллюстрируя примерами свои рассуждения. Представленные в книге факты проверялись по всевозможной доступной литературе. Разумеется, это не гарантирует отсутствия возможных ошибок. Ведь нередко одни и те же факты в разных источниках бывают представлены по-разному, а средства проверки не всегда надежны, так что приходится выбирать те версии, которые кажутся наиболее убедительными. Но наличие обширного библиографического списка не устранило бы эту проблему.

Все же элементарная научная этика побуждает меня дать ссылки на основные базы количественных данных, использованные при работе. Вот они.

- База данных «Автократические режимы (версия 1.2)» (ГРФ): Barbara Geddes, Joseph Wright, and Erica Frantz. *Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set. Perspectives on Politics*, 2014, 12(2), pp. 313–331. <http://sites.psu.edu/dictators/>.
- База данных «Государственные перевороты» (ГП): Buddy Peyton, Joseph Bajjalieh, Dan Shalmon, Michael Martin, Jonathan Bonaguro, and Scott Althaus. *Cline Center Coup d'État Project Dataset*. Cline Center for Advanced Social

Research. V.2.1.3. February 27. University of Illinois Urbana-Champaign, 2024. <http://clinecenter.illinois.edu/project/research-themes/democracy-and-development/coup-detat-project>.

- База данных «Субъектность и механизмы переворота» (СМП): Holger Albrecht, Kevin Koehler, and Austin Schutz. Coup Agency and Mechanisms (CAM) Codebook (v3.0), 2022. <http://militarycoups.org/Codebook-v3.0.html>.
- База данных V-Dem: Michael Coppedge et al. V-Dem [Country-Year/Country-Date] Dataset v13. Varieties of Democracy (V-Dem) Project, 2023. DOI: 10.23696/vdemds23.

В порядке предельно краткого обзора имеющихся исследований могу отметить, что в русскоязычной литературе незамеченной, на мой субъективный взгляд, остается книга Георгия Мирского (Мирский Г. И. Третий мир: Общество, власть, армия. — М.: Восточная литература, 1976). Англоязычная литература об участии военных в политике обширна. Классическими считаются обобщающие книги Сэмюэла Файнера (Finer, Samuel E. *The Man on Horseback: The Role of the Military in Politics*. London: Pall Mall Press, 1962), Эрика Нордлингера (Nordlinger, Eric. *Soldiers in Politics: Military Coups and Governments*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1977) и Эдварда Латтуэка (Luttwak, Edward N. *Coup d'État: A Practical Handbook*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979). Обстоятельный обзор литературы, включая новейшую, можно найти в недавнем энциклопедическом издании (Nassif, H. B., and Thompson W. R. *The Oxford Encyclopedia of the Military in Politics*. Oxford: Oxford University Press, 2022).

Структура книги такова. В первой главе я ввожу понятие военного режима в рамках более широкой типологии, то есть теоретически очерчиваю круг обсуждаемых в книге явлений. Во второй главе дан исторический обзор военных режимов,

выделены некоторые основные факторы их распространения после Второй мировой войны и охарактеризована динамика этого процесса. В третьей главе раскрыты модели гражданского контроля как механизма предотвращения вмешательства военных в политику. Четвертая глава посвящена военному перевороту как способу установления военного режима, выделены причины удач и неудач при попытках военных захватить власть. В пятой главе обсуждаются цели и программные установки военных у власти. В шестой главе предметом анализа служат проблемы внутреннего устройства военных режимов с акцентом на их институционализации. Седьмая глава продолжает эту тематику, уделяя основное внимание формальным институтам военной диктатуры. В восьмой главе представлена теоретическая модель завершения военных режимов и происходящих при этом политических процессов. В фокусе внимания девятой главы находятся способы завершения военных режимов, результатом которых становится демократизация.

При изложении материала я широко использую фактический материал из истории отдельных стран, преимущественно недавней. Некоторые из таких очерков краткие, сосредоточенные на отдельных иллюстративно важных эпизодах политического развития этих стран, другие же представляют собой полноценные кейс-стади. Для удобства читателя (и в качестве суррогата предметного указателя) ниже дан список стран, которым в книге уделяется более или менее значительное внимание. Не во всех этих странах в течение изучаемого периода устанавливались военные режимы, но попадание в список означает, что по каким-то причинам данный случай важен для моего анализа. Простого упоминания в качестве одного из примеров было бы недостаточно. В скобках даны номера разделов, в которых затронуты соответствующие случаи.

Всего в списке 63 страны: Алжир (7.1, 7.2); Аргентина (1.2, 5.3, 6.1, 8.2); Афганистан (1.3, 4.2); Бенин (Дагомей) (5.3, 9.1);

Боливия (6.2); Бразилия (4.2, 5.3, 7.2, 9.2); Буркина-Фасо (5.3); Бурунди (4.2); Великобритания (2.2); Венесуэла (3.2); Габон (4.2); Гаити (1.1); Гамбия (4.2, 9.1); Гана (4.2, 5.2, 6.2, 9.1); Гватемала (7.2, 9.1); Германия (3.2, 6.1); Греция (5.3); Доминиканская Республика (7.1); Египет (4.2, 4.3, 6.1, 9.2); Израиль (3.3); Индия (2.2); Индонезия (7.3); Иордания (3.2); Ирак (7.1, 8.2); Иран (1.2, 3.2); Китай (1.1, 3.3); Колумбия (1.1); Конго-Браззавиль (1.3); Конго-Киншаса (Заир) (2.3, 5.3, 6.1, 7.1); Кот-д'Ивуар (3.2); Куба (5.2); Либерия (6.1); Ливия (4.3, 6.2); Мадагаскар (5.3); Марокко (3.2, 4.3); Мьянма (Бирма) (5.2, 5.3, 7.1, 8.2); Нигер (1.2, 4.2); Нигерия (5.2, 8.2, 9.1); Пакистан (5.2, 6.2); Перу (6.2, 8.2); Польша (3.3); Португалия (9.1), Россия (1.3, 3.3); Сальвадор (9.1), Сирия (5.3, 7.1); Сомали (5.1, 5.3); Судан (3.2); Суринам (8.2); Сьерра-Леоне (9.1), США (3.1, 3.3, 5.1); Таиланд (1.3); Танзания (3.3); Того (2.3); Турция (4.3); Уганда (2.2); Уругвай (5.2); Франция (2.2); Центрально-Африканская Республика (1.1, 8.2); Чили (4.2, 5.3, 6.1, 9.2); Эквадор (4.2); Эфиопия (7.1); Южная Корея (9.2); Япония (3.1).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru